

Предмет урбанистики, или о чем умалчивает градостроительная наука.

**С.Л. Кропотов, профессор,
доктор философских наук
Уральский государственный
Университет им. А.М.Горького
Н.А.Черняева, доцент,
кандидат философских наук,
Университет Айовы, США**

Вопрос об определении и трансформации предмета современной урбанистики, равно как и сопутствующих ей дисциплин (городского планирования, новой культурной географии, культурологических исследований и др.), невозможно осмыслить без учета серьезных изменений в самом характере современного капитализма. В более узком смысле споры о том, «быть или не быть» урбанистике в России, проецируются на отношение постсоветской академической науки к начавшейся более 30 лет назад революции в западном гуманитарном знании.

Приведем мнение одного из бесспорных и наиболее цитируемых классиков современной урбанистики, неомарксиста Дэвида Харви, который в одной из своих ранних работ с характерным названием «Пределы капитала» убедительно демонстрирует связь капиталистического производства с изменением пространственной конфигурации современного города. В нем географическая мобильность капитала и труда сопровождается взаимодополняющими друг друга процессами - аккумуляцией капитала в некоторых точках территории и обесцениванием капитала дня вчерашнего (что говорит о непостоянстве отношений ценного и неценного в городской среде).

Монетарные отношения проникают в любой уголок, буквально, в каждую щель мира, почти во все аспекты социальной, даже приватной жизни горожан. Происходит формальное подчинение человеческой активности капиталу, осуществляемое через рынок, которое все более дополняется той реальной субординацией, которая требует превращения труда в потребляемую рабочую силу посредством примитивной аккумуляции капитала в процессе становления индустриального общества. «Фабрики и поля, школы, церкви, торговые центры и парки, автомобильные и железные дороги *заполнили ландшафт, неизгладимо и необратимо организуют его согласно диктату капитализма.* <...> Неравномерное географическое развитие капитализма, когда

высокая концентрация активности в одном месте контрастирует с пустотой и относительной разреженностью среды в другом»¹, фактически сопровождается капитализацией пространства и времени (курсив мой – С.К.). В этом динамичном процессе происходит не только «свертывание» пространства и времени в буквальном «до мгновения ока», но и развертывание новых «виртуальных» пространств, возникновение новых «субъективных» измерений в «трещинах старой картины» мира, становящихся вполне реальными пространствами активности и семантической плотности городской жизни. Помещение в эти новые пространства предметов труда не только рабочего, но и врача или художника способствует приращению их стоимости и значения. А вот что происходит с самим знанием и искусством в целом, которые в развитых странах со времен окончания второй мировой войны из внеэкономических сфер активности постепенно становятся включенными в процессы аккумуляции капитала. И эти прежде «бескорыстные сферы чистого духа» превращаются в новые сферы производства прибыли и выступают сегодня уже как арена жесткой конкуренции за желания потребителя, борьбы за символические и реальные инвестиции капитала. Вслед за догматическими марксистами мы обычно мыслили «культуру» как надстроечную, а по сути вторичную и факультативную сферу деятельности, и вдруг сегодня она становится первичной областью предпринимательства и капиталистической активности в постиндустриальном обществе – весь этот переворот конфигурации «ценного и неценного» просто не может не оставлять новых необратимых следов в городском ландшафте. И теперь его силуэт формируют университетские здания, исследовательские центры, молы, музейные или торгово-развлекательные комплексы и т.п.

Урбанистика и смежные с ней отрасли знания занимаются осмыслением неразрывного соединения городской пространственной среды, культурного ландшафта и человеческой деятельности при капитализме. Тематические вариации данных отраслей знаний включают в себя разнообразные события и процессы городской жизни - начиная со структурной реорганизации городского пространства, его дизайна для передачи социальных и символических значений, и кончая изучением схваток уличных банд или организованных преступных группировок за контроль над территорией, ее финансовыми потоками, манипулированием потребительской аудиторией в гигантских торговых центрах и т.п. Урбанистика рассматривает место(рас)положение как фундаментальный материальный атрибут человеческой активности, осознавая при этом, что размещение деловых, монументальных, производственных или

¹ Harvey D. Limits of capital. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 373

рекреационных объектов экономически производится. При этом продюсеры размещения капитала в городе являются действительными субъектами - распорядителями социально-пространственного порядка.

Уже здесь видна разница между проблемным полем урбанистики и российской градостроительной науки, выражаемая в том, что первая сосредоточена на вопросах: кто строит, из чего и ради чего. Вторая же, по негласному, восходящему к периоду формирования дисциплины в России в сталинские времена умолчанию, предполагает «универсального строящего город субъекта» в лице государства или общества вообще. На самом же деле, как в постсоветской культурологии, так и в случае с градостроительной наукой, строящие город самодержавные российские субъекты - социальные силы и процессы, наполняющие жизнью его выстроенные формы, превращают его в «памятник себе», но при этом становятся чем-то вроде постоянного «слепого пятна» для российской науки. Строительство ведется как бы «само собой», подчиняясь велению власти, выступающей хранительницей «общечеловеческих ценностей», и потому применение к дисциплинарной матрице градостроительной науки слово «самодержавный субъект», кажется вполне оправданным, поскольку обустраивающие городскую жизнь властные субъекты превращены в фигуры сокрытия и умолчания для конформистской науки. Напомним, что согласно ироническому замечанию А.С.Пушкина, «самодержавие это когда все само собой держится» - когда градообустраивающая сила суверенна, как бы естественна и ничем не обусловлена. Однако боязнь дисциплины анализировать разнородный социум и систему властных отношений превращает градостроительную науку всего лишь в один из приводных ремней машины власти.

Напротив, логика западной урбанистики предполагает демаскировку отношений власти и потоков капитала, пронизывающих город и выделяющих его на общем фоне других подобных мест в том случае, когда городским элитам удастся замкнуть эти потоки на себя. Та же логика обнаруживается, к примеру, и в компьютерной игре «Цивилизация»: чтобы построить что-либо, надо деньги, желание властных субъектов, технологии и, среди последних, система репрезентации воображения обустраивающегося субъекта. Все это свидетельствует о том, что строительство (скажем, кораблей и городов при Петре I, равно как и танко- или градостроительство при Сталине) ни в коем случае не может быть и не является первичным фактором в западной цивилизации. Оно базируется на серьезном изучении, и даже зависимости стройиндустрии от процессов циркуляции и концентрации капитала в городах. Качественное строительство дорого, поэтому урбанистика выполняет важнейший

социальный заказ – осуществить экспертную оценку эффективности инвестиций капитала в формирование или реструктуризацию городской среды. Урбанистика дает анализ функционального наполнения выстроенных архитектурных форм и прогнозы развития процессов жизни в этой среде, способной воспитывать либо чувство общности у граждан либо, напротив, их социальной разобщенности, вплоть до неприятия, отвращения и даже ненависти, в зависимости от способности увидеть в архитектурном объекте не столько репрезентацию амбиций власти, сколько реализацию своих собственных чаяний. Урбанистика все время просчитывает возможности идентификации с выстроенным объектом или публичным пространством социально разнородных, иногда антагонистичных групп населения.

В любом случае, с точки зрения общества – главной действующей силы в развитых странах – состоятельная и комфортабельная жизнь города только тогда и начинается, когда он перестает быть развороченным в вечной стройке и перестройке. Тогда строители уходят из него в качестве хозяев, но занимают свое законное и ответственное перед городским сообществом второе место. Поэтому говорить о «градостроительной науке и образовании» - это значит продолжать бессознательно лоббировать корпоративные интересы строительных монополий. Но это также заводит в тупик постсоветскую экономику и ментальность, как и державшаяся десятилетиями на дефиците диктатура производителя, исходившая из принципа: «бери, что дают». В таких ментальных и социально-экономических условиях само существование словосочетания «градостроительная среда» оказывается даже не просто под вопросом, но вообще невысказанным. Оно подрывается неискоренимым неуважением строительства к среде.

Возможно, труднейший переход, стоящий сегодня перед Россией – это как раз переход от производственной к социальной специализации, который пока что очень трудно дается. Но именно *структуризацией и реструктуризацией потоков капитала, социальной жизни и энергии людей в урбанистической среде* и занимается урбанистика. Урбанистическое знание и образование – это и одно из сопутствующих инструментальных звеньев этого сложного перехода и, одновременно, свидетельство начала движения от производственной эксплуатации среды к ее окультуриванию, превращению в более комфортную и качественную.

Современные гуманитарные науки переживают, по мнению многих исследователей, значительный сдвиг в сфере методологии, связанный с усилением пространственно-географической компоненты. Одновременно этот сдвиг отражает реорганизацию пределов современного капитализма и вынуждает существующие в

рыночных условиях науки, в том числе и урбанистику как междисциплинарную отрасль знания, соответствовать «новым пределам капитала». На смену прежним мыслительным матрицам, основанным на исторической парадигме (при которой любой материал располагался, прежде всего, по временной оси и рассматривался в историческом развитии) приходят такие способы осмысления материала, которые можно назвать «географическими». Влияние «географического» мышления сказывается в философии, литературоведении, антропологии, социологии и многих других отраслях, каждая из которых все более активно оперирует метафорами пространства, начиная с концепта «ситуационного знания» (situated knowledge), введенного в научный оборот феминистской теорией, понятия «локализованной субъективности» (localized subjectivity) в культурологии и культурной антропологии, и заканчивая такими мета-дисциплинарными категориями как «глобализация», «диаспора», «пост-» и «неоколонизация» и т.п. По мнению многих исследователей, этот пространственно-географический сдвиг в методологии в немалой степени связан с бурным развитием новой дисциплины -- культурной географии, чье влияние сегодня ощущается далеко за пределами собственно географических факультетов².

Последнюю иногда называют «новой культурной географией» (new cultural geography), пытаясь таким образом дифференцировать ее от традиционной географии, которая также занималась аспектами культуры и ее «распределения» по земной поверхности наряду с физическими, биологическими, экономическими и другими измерениями географического ландшафта. В отличие от традиционной, новая культурная география рассматривает пространство как социальный продукт, как результат экономического и культурного производства, который при этом скрывает условия своего формирования и предстает как естественный. Методологически и новая культурная география, и урбанистика базируются на идеях французского пост-структурализма, марксизма, а также Британской политэкономии; ее инструментарий во многом импортирован из социологии, культурологии (cultural studies) и отчасти литературоведения. В политическом смысле новая культурная география, согласно многим ее последователям, предоставляет средства для выражения и голоса тем социальным субъектам, которые связаны с детерриториализацией современного пространства -- со сдвигами государственных и культурных границ, с нео-и постколониальным развитием, с маргинализацией одних и возвышением других территорий.

² См.: Blair, Sara. "Cultural Geography and the Place of the Literary," in *American Literary History*, Vol. 10, No. 3 (Autumn 1998).

Рассмотрим вкратце несколько базовых работ, содержащих ряд идей, являющихся центральными для современной урбанистики и сопутствующих ей дисциплин. Большинство из работ написано во второй половине 90х -- времени, когда и урбанистика, и культурная география уже обрели свой статус «законодательниц моды», создательниц влиятельного и активно используемого аналитического инструментария. Исключение составляют работа французского географа, марксиста **Анри Лефевбра «Производство пространства»**, которая была впервые переведена на английский в 1991 году в США, но была написана ранее, в 1974 году во Франции, а также вышедшая в конце 1980х книга **Эдварда Соджи «Постмодерные географии: восстановление пространства в критической социальной теории»**. Оба автора (наряду с марксистом Дэвидом Харви) принадлежат к кругу «отцов-основателей» новой урбанистики, и обе работы – в числе наиболее цитируемых сегодня текстов не только у специалистов-географов, но и, прежде всего у специалистов в области планировочной деятельности, культурологов, литературоведов, антропологов – всех, кто анализирует пространственные отношения в современном мире.

Анри Лефевбр был тем теоретиком, кто впервые заговорил о «производстве» пространства в социальной и экономической жизни. Не отрицая наличия физического (природного) пространства, Лефевбр тем не менее убежден, что непосредственное пространство нашего обитания создается и воссоздается социумом в процессе экономического и культурного функционирования. Любой исторически-конкретный способ производства, утверждает Лефевбр, включает в себя определенные «пространственные практики» -- типы распределения богатств, капиталов, людских ресурсов, а также способы организации семейной и общественной жизни в пространстве города, села, территории. «Пространственные практики» феодального, скажем, общества существенно отличаются от «пространственных практик» классического капитализма или, к примеру, позднего капитализма. Лефевбр вводит также категорию «репрезентации пространства», в которую он включает типы знания, знаки, коды, которые вырастают на основе «пространственных практик». Последние создаются преимущественно специалистами -- архитекторами, планировщиками, учеными, художниками – профессиональными создателями кодов и знаков, однако эти же типы и способы «репрезентации пространства» определяют и повседневную жизнь рядового потребителя. И, наконец, завершающая часть триады, вводимой Лефевбром, – это категория «репрезентированного», или «представленного пространства» (*representational space*), которая синтезирует первые две и характеризуется им как то самое «живое» пространство, которое мы непосредственно воспринимаем (зачастую

бесп проблемно, как некую натуральную данность), но которое фактически создано или «произведено» как через экономические практики, так и через репрезентационную, символическую работу. Производство пространства, таким образом, предстает как процесс, в котором восприятие пространства, осмысление его и непосредственное проживание пространства (*the perceived –conceived – lived spaces*) перетекают одно в другое, образуя циклическую структуру, в которой невозможно отделить «базис» о «надстройки», «первичное пространство» от «вторичного» (последнее обстоятельство отличает Лефевбра от классического максизма).

Каждый новый способ производства создает новый тип пространства и, как следствие, новый «пространственный код», который вырастает на обломках старого, по-своему утилизируя и преобразуя его. Так, например, при переходе от средневекового к ренессансному городу – изменение, которое маркировало разрушение старой феодальной системы и развитие раннего торгового капитализма, возникает новый пространственный код, который

«служил для установления нового алфавита и языка города, его первичных знаков, его парадигматических и синтагматических отношений. Если сказать то же самое в менее абстрактных терминах, то это будет означать, что фасады были сгармонизированы так, чтобы создавать перспективу; входы и выходы, двери и окна были подчинены фасадам – и следовательно перспективе; улицы и площади были организованы в соответствии с публичными зданиями и дворцами, в которых помещались политические лидеры или институции (прежде всего – муниципальные). На всех уровнях -- от частных жилищ до монументальных сооружений, от «приватных» сфер до территории как целого – элементы этого пространства были размещены и аранжированы в манере, которая была одновременно знакомой и поражающей воображение, так что даже еще в двадцатом столетии последняя не потеряла своей привлекательности. Ясно поэтому, что пространственный код – это не просто способ чтения и интерпретации пространства, это скорее способ жизни в этом пространстве и также способ производства его» (Лефевбр, с. 47-48).

Идея «производства пространства» становится центральной в работах последователя Лефевбра, американского культурного географа, марксиста **Эдварда Соджи**. Его книга **«Постмодерные географии: восстановление пространства в критической социальной теории»** говорит о необходимости реабилитации (Соджа использует слово *reassertion*, которое означает вторичное утверждение, воцарение заново, как если бы после периода изгнания) географического мышления для

современного гуманитарного знания и социальной теории. Историческая парадигма была чрезвычайно важна для 19 столетия, которое оперировало понятиями «развитие», «эволюция», «цикличность», «кризис». Современную же эпоху Соджа вслед за Фуко называет «эпохой пространства»: «мы живем в эпоху одновременности, эпоху непосредственного соседства, эпоху близкого и далекого, бок о бок, рассеивания и рассредоточивания» (Фуко, «О других пространствах», цит. по работе Соджа «Постмодерные географии», с. 17)

Соджа анализирует особенности производства пространства в эпоху капитализма, который, согласно еще Марксовой формулировке, отличается «неравномерным» развитием, порождая неизбежный дисбаланс между «экономически развитыми» и «отсталыми» регионами. Капиталистическое производство, которое обычно развивается не иначе как спазмическими «толчками», нуждается в наличии «отсталых» территорий, которые создают резерв как рабочей силы, так и рынков сбыта. По мнению Соджи, капиталистическое производство надо рассматривать в географическом контексте как «неравномерно развернутую пространственность». Рыночный обмен -- это ведь не только перемещение стоимости между фирмами и отраслями, но и ее географическое перемещение -- процесс, при котором стоимость, произведенная в одном месте (районе) реализуется в другом, добавляя тем самым к аккумулярованному богатству этого второго региона. Иными словами, капитализм создает «пространственное разделение труда» (*spatialized division of labor*), про которое нельзя заранее сказать, будет или не будет оно создавать дополнительные каналы эксплуатации, но в любом случае регионализация наполнена «политикой, напряжением, идеологией и властью».

Соджа показывает каким образом «волны» неравномерного развития, характеризовавшие капитализм с самого его зарождения, оставили след в пространстве современного пост-индустриального города, прослеживая эволюцию городских форм. Каждая из форм -- ранне-капиталистический торговый город, рыночно-индустриальный, корпоративно-монополистический город -- характеризуется специфическими схемами распределения капитала, жилого и производственного секторов, богатства и бедности. Для Соджи совершенно очевидно, что конфигурация городского пространства напрямую производна от классовой композиции населения и что, иными словами, «спатиализация» (*spatiality*) есть другая форма классовой (а также этнической) сегрегация. Логика здесь следующая: в то время как прибавочная стоимость полученная в промышленности в глобальном масштабе уменьшается, прибавочная стоимость, полученная во вторичной циркуляции (спекуляция

недвижимостью) растет. Важно отметить, что эта вторичная циркуляция в очень большей степени зависит от выстроенного, социально сконструированного пространства, то есть от того, насколько благоприятным или неблагоприятным это пространство воспринимается населением. Но это также означает, что все больше прибыли уходит на создание «дорогого», «качественного», «безопасного» пространства в условиях городской среды, а так как «пространство – дорого» («spatialization is expensive», с. 97), то городское пространство становится дополнительным источником классового расслоения и эксплуатации.

Работа Соджи не рассматривает напрямую культурные практики, участвующие в создании капиталистической «сегрегированной пространственности», но она безусловно создает основания для такого анализа. Этот анализ осуществляет Дэвид Харви в книге «Справедливость, природа и географическое различие», продолжая в каком-то смысле исследование там, где остановился Соджа. Как уже упоминалось, Харви – один из наиболее известных сегодня представителей и урбанистики, и культурной географии, автор сотни работ, включая знаменитую «Условия постмодерности», а также один из наиболее активных проповедников марксистской идеологии в западном гуманитарном знании. В отличие от Соджи, его интересуют не только масштабные изменения пространства и ландшафта в эпоху капитализма, но и отдельные локусы, географические объекты – то есть, используя его собственную категорию, отдельные «места». Можно сказать, что Харви осуществляет переход с уровня *space* (пространство) на уровень *place* (место), анализируя по сути те же типы явлений (капиталистическое производство и воспроизводство, неравномерное развитие при капитализме, пространственная сегрегация на разных уровнях, регионализм и т.п.) что и Соджа.

В интерпретации «места» Харви активно противопоставляет себя тем теориям и подходам, которые хоть в малейшей степени грешат эссенциализмом. Его главный идеологический противник -- Мартин Хайдеггер (а так же вся феноменологическая традиция в трактовке места, идущая еще от римской концепции *genius loci*). Для Харви неприемлема идея Хайдеггера, согласно которой отдельные привилегированные места могут давать современному человеку незамутненное чувство «корней», «дома», а также «истины» в высшем, Бытийном смысле слова. Любые смыслы, кажущиеся аутентичными, порождаемыми самими объектами -- сакральными, архитектурными, природными и т.д. -- производны, утверждает Харви, от определенных социальных и экономических механизмов, а кроме того, являются результатом борьбы нескольких

дискурсивных систем – борьбы, в которой победила та система, за которой стоит политическая и символическая власть.

Любое географическое «место» следует понимать, говорит Харви, как относительный момент «постоянства» в потоке непрерывно трансформирующегося пространственно-временного континуума. Перемещение людей, денег, ресурсов, идей, капитала на какой-то момент приостанавливается, из этого потока кристаллизуется «место» -- город, населенный пункт, ферма, пригородный поселок, и т.п. Место может быть маркировано как определенное соотношение долготы и широты на карте, а может как определенное имя, например – Порто Аллегре в штате Рио Гранде, Бразилия. Капитализм – враг «места», поскольку для успешного развития капитализму нужна постоянная реструктуризация, перемещение с одних территорий на другие. В то же самое время, капитализм создает контраст между отдельными местами, порождая неравномерность и соперничество.

«Напряжение между привязкой к определенному месту и пространственной мобильностью выливается в общий кризис, когда ландшафт, приспособленный к одной определенной фазе развития (капиталистической или докапиталистической) становится барьером для последующего накопления. Географическая конфигурация пространства должна быть, следовательно, переформирована вокруг новых транспортных и коммуникационных инфраструктур, новых центров и стилей производства и потребления, новых скоплений рабочих рук и трансформированных социальных инфраструктур. <...> Старые места, подобно Коули [шахтерский город в Англии, описываемый Харви во вступлении к книге – С.К, Н.Ч.] должны быть обесценены, разрушены, и перестроены, в то время как новые места – созданы заново. Соборный город становится историческим памятником, шахтерское поселение – городом-призраком, старый индустриальный центр деиндустриализуется, города-выскочки или привилегированные поселения для состоятельных жителей разрастаются на границах развивающихся районов или из пепла прежних индустриальных поселений. История капитализма, таким образом, пронизана фазами интенсивной пространственной реорганизации» (Харви, с.296)

Любое место противится реорганизации и тем более – разрушению. Как следствие, в ситуации, когда само существование города или района может быть обеспечено только наличием капитала, «места» начинают соревноваться друг с другом за инвестиции, стремясь предложить инвесторам как можно более объемистый пакет ресурсов, уже готовых инфраструктур, уже существующих социальных институтов. В

этом процессе «продавания себя» культурный потенциал играет не последнюю роль. Дискурсивная и символическая активность создает места не в меньшей степени, чем экономическая, инвестируя в них «верования, желания и стремления» разделяемые сообществом, что особенно хорошо видно в той роли, которую играет в культуре и социуме понятие «дом».

Любопытен производимый Харви анализ социокультурных процессов, которые привели к созданию такого места в Нью-Йорке как Таймс Сквер. Возникшая в чистом виде как результат спекуляции недвижимостью в центре развлекательного квартала, площадь получила название от газеты New York Times, расположившей там свою штаб-квартиру конце 1890х. В целях общественного промоушена New York Times в начале столетия организует празднования Нового года на площади, изобретая знаменитый теперь ритуал опускания шара, сопровождаемый фейерверками и прочими массовыми развлечениями. Довольно скоро площадь становится местом концентрации рекламных билбордов, местом, где люди едят, тусуются, разглядывают новинки моды, рекламы, иными словами -- центром всего того, что является «коммерческим, кричащим, рекламным и спекулятивным» (Харви, с. 317). Трудно представить себе, говорит Харви, что-нибудь более далекое от «аутентичного» Черного Леса [примера «подлинного» места, используемого Хайдеггером], чем Таймс Сквер, которую не случайно многие культурологи описывали как «псевдо-место», эрзац, чистое отсутствие. И тем не менее довольно скоро Таймс Сквер становится символическим «сердцем» Нью-Йорка, где общество выражает коллективную радость, скорбь или ликование, местом где оно ощущает свое единство и целостность. В условиях все более интенсифицировавшейся и усложнявшейся жизни ньюйоркцев начала 20 века, Таймс Сквер создавала достаточно демократичное публичное пространство, в котором иммигранты мешались с аристократией, бедняки – со средним классом. Демократия Таймс Сквер была демократией денег, но последнее как раз и составляло особенность формирующегося чувства общности: «Таймс Сквер в Нью-Йорке, безусловно, репрезентировала общность денег, но она также стала репрезентацией довольно специфического чувства общности в умах и сердцах миллионов ньюйоркцев, которые по сей день активно противятся любым попыткам трансформировать или перестроить это место именно по причине его уникального символического наполнения и роли для коллективной памяти» (с. 317). Иными словами, способность Таймс Сквер быть репрезентантом такого «воображаемого сообщества» как Нью-Йорк неотделима от вовлеченности места в коммерческие и спекуляционные процессы; сакральность неотделима от «диснейфикации». Культурные политики, утверждает Харви, бывают

вдохновителями создания мест – центров духовной жизни сообществ так же часто как и простое желание получить прибыль.

Книга архитектора, профессора урбанистики и американской истории, преподавателя Йельского университета **Долорес Хайден «Власть места»** идет, на первый взгляд, вразрез той линии исследования, которая была намечена Харви и Сожа. Книга Хайден разрабатывает категорию «места» как носителя социальной и культурной памяти народа, этноса или сообщества. (Напомним, что сама идея того, что место может обладать «властью» или «памятью» неприемлема для Харви. Для него это образец неоправданной «фетишизации» объекта. Для Харви даже греческий Акрополь не является привилегированным носителем смысла, ибо смысл Акрополя создается на пересечении притязаний противоборствующих классовых и этнических мифов в самой Греции, а также претензий на монополию смысла со стороны западных держав, для которых Акрополь является скорее символом истоков западной цивилизации, нежели греческим феноменом).

Хайден, однако, удается избежать фетишистской трактовки «места», так как она рассматривает места в контексте борьбы конфликтующих социальных и расовых общностей за право сохранения собственной истории. Ее материал – Лос-Анжелес, город – уникальный даже для США по числу и разнообразию сосуществующих там этнических и расовых сообществ, а также по контрасту распределения капитала между отдельными городскими районами. Знаменитый Лос-Анжелеский бунт 1992 года, когда в течение трех дней толпа, состоящая в основном из афро-американцев и латинос, громила кварталы в южной и центральной частях города, в результате чего 54 человека погибли, более 5000 зданий были разрушены, а некоторые кварталы были фактически уничтожены, явился самым большим городским бунтом в Америке на протяжении всего 20 века. Причины и факторы, приведшие к беспорядкам, до сих пор осмысляются историками, социологами, специалистами по расовым конфликтам. Для архитекторов же и планировщиков городского пространства бунт стал очередным примером «культурных войн», ведущихся и во многих других городах Америки, где расовые, социальные, гендерные меньшинства пытаются отстоять свое право на «место» в городской среде. Беспорядки в Лос-Анжелесе послужили еще одним доказательством того, что городская среда должна стать более расово «дружелюбной» и этнически многообразной -- такой, в которой образы белой протестантской культуры не являлись бы однозначно доминирующими.

Хайден пытается доказать, что в мультикультурном и мультирасовом обществе решение о сохранении (реставрации, консервации) отдельных зданий, кварталов и

вообще любых городских объектов – это всегда решение о том, чья именно версия истории и памяти окажется доминирующей. Для многих современных архитекторов вопрос о том, что сохранять из наследия прошлого, представляется довольно беспроблемным – сохранять, разумеется, нужно то, что составляет эстетическую и художественную ценность. Однако в условиях расово и классово разделенного общества выбор в пользу «памятников цивилизации и культуры» очень часто оказывается выбором в пользу доминирующего «белого протестантского населения среднего класса и аристократии». Память же и история черных и латиносов, китайцев и индийцев, пролетариата, мелких лавочников и торговцев оказывается не представленной, ушедшей на дно в «прогрессивном» изменении городского пространства. В попытке противостоять этому Хайден исследует все те примеры, когда городским сообществам удавалось достигать обратного – примеры сохранения «мест» и объектов, которые становились носителями памяти и культуры социально незащищенных слоев и групп. (Примеры включают сохранение «Маленького Токио» в качестве исторического квартала, служащего напоминанием о первых японских поселенцах; создание «стены памяти» на месте разрушенной усадьбы Бидди Мэйсон – лидера и «матриарха» афро-американского сообщества в середине прошлого века и т.п.). В отличие от Харви, стремящегося к анализу диалектики экономических и дискурсивных инвестиций в любой географический объект, Хайден предпочитает говорить о символической и культурной работе, которая шла бы вразрез интересам капитала и социального большинства. Как результат, ее работы вызвала довольно много критических откликов и обвинений в «утопичности» предлагаемых решений.

Работа Лин Лофланд **«Публичная сфера: исследуя сущность городской территории»** (автор – профессор социологии и заведующая кафедрой социологии Университета Калифорнии в Дэвисе) предпринимает попытку анализа и типологии «мест» в городской среде с точки зрения их принадлежности к публичной или частной сферам. Она выделяет три типа социальных отношений (и, соответственно, сфер) которые могут существовать в городском пространстве: личные (в семье, среди друзей), публичные (не знакомые друг другу люди общаются как категории – продавец, покупатель, водитель такси, пассажир и т.д.) и отношения местно-локальные (она использует термин *parochial* – приходской) отношения людей, которые знакомы друг с другом, но не так близко и интимно как в семье, а скорее функционально. Это – отношения коллег по работе, членов клубов по интересам, соседей и т.п.

Лофланд интересуется, как все эти типы отношений реализуются в городской географии, при этом она понимает, что каждая из этих сфер – не географическая в

строгом смысле слова, а социальная. Так, территория, обозначенная как публичная (ресторан) может принять в себя чисто приватное действие (отмечание свадьбы). Такого рода вкрапления одной сферы в другую она называет «пузыри» приватного (*bubbles*) внутри царства (сферы) публичности. Возможность превращения и перекодировки территории из одного статуса в другой зависит порой от чисто количественного фактора: публичная сфера превратится в локальную (*parochial*) если в общественное место придет определенное количество людей, связанных отношениями знакомства. (Так, если во время автобусной экскурсии полсалона занял школьный класс, то автобус оказался как бы захвачен этими подростками, даже если остальные пассажиры – случайные люди с улицы. Публичное пространство превратилось в *parochial*). Отношения к месту производны от социальных отношений и в какой-то мере закрепляют их. Лофланд выделяет три типа «мест» или локусов: «памятные» места (фиксирующие моменты коллективной памяти, как, например, храм или публичный парк), «знакомые» места/пути/тропы (местный продуктовый магазинчик, бар, забегаловка, к которым ты привык); домашние территории, или места для тусовки (места, где люди живут и чувствуют себя «как дома», то есть ощущают свободу вести себя так, как они хотят).

Центральный вопрос, который занимает Лофланд, и для которого она осуществляет выше приведенную типологию – это вопрос о корнях и причинах антиурбанизма в современном американской (и шире – западной культуре). Современная массовая культура США пронизана анти-урбанистскими настроениями со страниц журналов, билбордов, комиксов, с экранов телевизоров поется гимн натуральности и здоровой фермерской жизни, традиционных ценностей и т.п. По мнению Лофланд, неприятие городского образа жизни идет от того, что город – единственная форма проживания, которая создает публичную сферу (пространство). Господствующая анти-урбанистическая идеология уравнивает, в сущности, город и публичную сферу через ряд метафор, которые применимы к обоим: метафоры загрязнения; смешивания, перемешивания разнородного. Она осуществляет подробный анализ типов репрезентации такого чисто городского феномена как «улица», демонстрируя как в культуре 19 - 20 столетий улица рассматривается как место для криминалов, маргиналов и «толпы», как место где ты встречаешь отвратительного чужака – безумца, нищего и т.п.

Одним словом, критика урбанизма и тоска по природе очень часто оказываются формой артикуляции морально и политически консервативного сознания.

Города подозреваются в политической анархии, трактуются как культурная угроза.³ Анти-урбанистское сознание выливается в идеологию «прайватизма» (*privatism*). Современная культура и технология, утверждает Лофланд, во многом работают на изживание публичной сферы: личная машина переносит человека из одного частного кокона в другой, все больше служащих компаний (тех особенно кто разрабатывает software) работают «из дома»; интернет-шоппинг, домашний кинотеатр и идеальное качество звуковоспроизведения в домашней аппаратуре делают ненужными многие публичные сферы. Более того, современная архитектура и те формы, которые она создает, также работают либо на изживание публичной сферы, либо на ее «санацию». Сегодняшняя архитектура создает такие публичные пространства, которые контролируют публичную сферу (делая ее не-публичной, гомогенной, «чистой» и предсказуемой). Она называет такие пространства контр-локусами (*counter-locale*), среди которых -- пространства типичного торгового центра (*shopping mall*), тематического парка, Диснейлэнда. Это такие публичные места, из которого «вытрясена» вся публичность, так как они по определению не «открыты для публики». Такое пространство обычно втихую приватизировано, контролируется теленаблюдением, рассекает публику физически и символически (например, если сквер спрятан в глубину квартала и отсечен от улицы мощным офисным зданием, то использовать этот сквер будут только сотрудники офисов). Рассуждая о тотальной, на сегодняшний день, «диснейледизации» Америки, Лофланд предлагает не забывать о значимости публичной сферы, которая «производит эмансипацию от предписанного статуса и заданной идентичности» (с. 214) позволяет осуществиться коммуникации между разнородными индивидами и группами, создает, наконец, такой положительный феномен как космополитизм.

Категория «места» в современной культурной географии стала, таким образом, той категорией, через которую осмысляются наиболее важные теоретические проблемы урбанистики: это проблема соотношения экономического и дискурсивного в производстве пространства, проблема «аутентичности» и «репрезентирования», проблема механизмов и факторов смыслообразования в сфере городского ландшафта и др. В не меньшей степени категория «места» создает инструмент политического анализа сегодняшних экономических и культурных территорий, позволяя

³ Последнее предположение в какой-то мере справедливо: в президентских выборах 2004 года наиболее высокий процент голосования за кандидата от демократической партии Джона Керри был продемонстрирован именно в обеих столицах: в Нью Йорке 75% населения голосовало за Керри, а в Вашингтоне – 90%. Среди рефлексий по этому поводу одна, опубликованная в *New York Times* звучала так: автор статьи, журналистка признавалась, что город, в котором она живет, так решительно отличается от остальной Америки, как если бы это была другая страна – С.К., Н.Ч.

анализировать чьи именно интересы, системы репрезентации, чья память и чье культурное наследие оказываются воплощенными в отдельных местах культурного ландшафта, будь то город, район, отдельно взятое здание или архитектурный памятник.

Литература по теме статьи

Harvey, David. 1996. *Justice, Nature & The Geography of Difference*. New York: Blackwell Publishing.

Hayden, Dolores. 1997. *The Power of Place: Urban Landscapes as Public History*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Lefebvre, Henri. 1991. *The Production of Space*. Transl. by Donald Nicholson-Smith. Oxford: Basil Blackwell.

Lofland, Lynn. 1998. *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory*. New York,

Soja, Edward. 1989. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London, New York: Verso.